

КЛЯТВУ
ВЕРНОСТИ
СДЕРЖАЛИ

1812г.

«Клятву верности сдержали»: 1812 год в русской литературе //Московский рабочий, Москва, 1987
FB2: Isais <isais2005@yandex.ru >, 28 September 2012, version 1.0
UUID: 9F9060CC-B77B-4D54-BD72-D0D015C59769
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Андрей Ефимович Зарин

Федька-звонарь

Из воспоминаний о начале войны 1812 г. офицера егерского полка.

Андрей Ефимович Зарин
Федька-звонарь

(Из моих воспоминаний)

В Смоленске я был переведен в егерский полк, в дивизию генерала Неверовского командовать ротой. Принял я роту и вдруг вижу в ней этого самого Федьку-Звонаря, бывшего моего дворового.

Я его за совершенного негодяя почитал. Был он раньше у меня в дворне, и никакой управы на него не было. В комнатах служил — никогда его нет; смотрит дерзко, отвечает на каждое слово; сдал его в псарню — тоже беда. Собаки любят, а егеря, доезжачие всегда на него с жалобой: грубит, всякие насмешки строит и ничего не боится. Я его и на конюшне сек, и из собственных рук учил — хоть бы что.

Один раз пришел ко мне бурмистр и в ноги.

— Что тебе? — спрашиваю, а он:

— Накажите Федьку, бога ради! Убить меня грозитя. Боюсь мимо псарни идти...

— Как? что?

Позвал Федьку, его и узнать нельзя. Бледный, дрожит от злости.

— Как он смел, — говорит, — меня вором

назвать. При всех людях опозорил.

— Что-нибудь да было, что так назвал.

— Ничего не было. Спьяна шапку свою потерял, а на меня накинулся. После шапку в канаве нашли! — говорит, а сам дрожит.

Крикнул я на него, конюшной пригрозил и прогнал, а недели через две он так отколотил бурмистра, что тот едва ноги уволок.

Ну, понятно, Федьку я наказал для примера тоже изрядно и решил от него избавиться, а тут наш государь с Наполеоном войну замыслил и был назначен усиленный набор. Я этого Федьку в первую голову и забрил. Увезли его в город и забрали в солдаты. Было это в конце 1805-го года. С той поры я его и не видел, а тут смотрю: он у меня в роте и уже унтером. Высокий, бравый, а с лица все тот же.

— Давно ты здесь? — спрашиваю его.

— С самого первоначалу, как забрили.

— Что же, пришел до памяти?

— Надо быть, поумнел, а в точности не могу знать.

Неприятно мне было с ним встретиться. И наказывал я его много, и в солдаты сдал; ничего, кроме худого, ему не сделал и вдруг он

опять у меня под командой и приведется — вместе в бою будем.

Нехорошие это мысли, а думались. Такие примеры бывали у нас. Имеют солдаты зло против кого-нибудь. Как первое сражение — глядь, и убит. Разве узнаешь, от своей или от французской пули?..

И сразу я стал его остерегаться. В то же время всякого норовлю спросить о нем, каков он таков. Все не нахвалятся им: и товарищ добрый, и служака, и в бою первый, и ко всему весельчак.

Ну, про это-то я знал. Оттого его и Звонарем звали. Шутки, прибаутки так у него и сыпались; сказку рассказать, песню спеть — и просить не надо...

Тем временем стояли мы в Смоленске, готовили сухари и собирались с Бонапартом сразиться. Он, говорили, в Витебске стоял. Наши старшие генералы все спорили, куда идти, чтобы встретиться с ним. Наш Багратион говорил, что Наполеон придет через Оршу и Красный, а немец Барклай[1] — что из Витебска Наполеон прямо на Поречье двинется и

на Смоленск. Ну, Барклай был старше и взял верх.

Решили идти на Витебск и 26-го июля поднялись все тучею. Барклай с 1-й армией прямо на Поречье двинулся, Багратиону приказал на Катань идти, а чтобы не обидеть его совсем, нашей 27-й дивизии приказано идти в Красный и Оршанскую дорогу стеречь.

Неприятно нам это было, страх! однако пошли.

Действительно: все ушли с неприятелем сражаться, а нас поехали дорогу стеречь...

Обидно.

Пришли в Красный и устроились себе господами. Сам Неверовский дом исправника занял, мы по обывательским домам, солдаты лагерем.

Днем спим да едим, вечером гуляем, а к ночи соберемся у полкового и жженку делаем, а там — в картишки — и до зари.

Казаки да драгуны, те еще заняты были. И день, и ночь ездили и дорогу высматривали до самой границы уезда, а нам, пехотинцам, да артиллеристам совсем никакого дела не было.

Так и жили, ни о чем не думая, до самого 2-го августа.

В этот день мы почти на заре по квартирам разбрелись. Заснул я самым крепким сном, и вдруг кто-то меня толкает в плечо, кто-то кричит над ухом. Я с трудом раскрыл глаза. Гляжу, это мой денщик меня будит. Лицо встревоженное:

— Вставайте, Ваше благородие! Тревога!

А за окном, слышу, в барабаны бьют, в трубу играют, кони фыркают, люди бегут. Сразу у меня сон как рукой сняло.

Наскоро умылся, одеваюсь и распрашиваю: что случилось?

— Не могу знать, — отвечает денщик, — казаки сказывают, француз идет. Генерал сам на площади!

Оделся я, крикнул денщику: «Собирай вещи» — и к своему полку побежал. А в городе — суматоха, не приведи бог! Навстречу мне из города полк за полком идут, пушки прогремели, проехали казаки, и драгуны прошли, а сам генерал Неверовский у заставы на коне сидит и всех мимо себя пропускает.

Лица у всех серьезные, и в то же время веселые. И мое сердце забилося: значит, бой будет!

Выбежал я на площадь, а там наш полк стоит, две пушки и наш командир на копе.

— Пушки, поручик, в южное предместье! — кричит, — на Оршанскую дорогу! как неприятеля увидите — стрелять.

— Слушаю! — и тотчас кони подхватили пушки, и они загромыхали, а за ними побежали артиллеристы с дымящимися фитилями.

— А вы, ребята! — закричал нашему полку командир, — не робеть! помните, нашему егерскому полку выпала честь — грудью врага принять! Вперед!

Загремели барабаны, мы пошли и почти тотчас остановились. Город кончился. Впереди стояли две пушки, и за ними открывалась большая дорога на Оршу.

Командир начал командовать.

Часть полка рассыпалась и скрылась за домиками, часть выстроилась в две шеренги.

Позади нас уже не было ни одного солдата, и по городу с воплями и плачем метались жи-

тели, стараясь увезти и унести с собой побольше имущества.

Я стоял впереди своей роты и спросил у младшего офицера:

— Что случилось?

— Французы! — ответил он, — разъезды поутру прискакали и донесли, что их несметное количество по дороге идет. Валом валит!

— Неужели сам?

— Не знаю!

Вдруг раздался в воздухе неясный гул. Мы взглянули на дорогу и словно окаменели.

Сразу вся дорога, насколько хватал глаз, покрылась всадниками. Кого здесь не было только! С длинными конскими хвостами на киверах, на черных конях — драгуны; с флюгерами в руках — уланы; тяжелые кирасиры; конные егеря в высоких зеленых шапках. Все они широкими рядами медленно подвигались по дороге, словно широкая волна морского прибоя.

— Смирно! — закричал наш командир, — готовсь!..

Неприятельская конница прошла еще немного и остановилась в какой-нибудь пол-

версте от нас, так что лица видны были.

Сбоку, с правой стороны, вдруг показались всадники. Впереди всех на черном коне мчался высокий, стройный генерал в шляпе с разноцветными перьями, в алом плаще, с обнаженной шпагой. Он остановился у середины и что-то стал говорить, указывая на нас шпагою.

Если бы я не знал, что перед нами враги, которые сейчас бросятся на нас и станут нас рубить и топтать, то можно было бы залюбоваться картиной.

Ряды всадников, кони, генерал с развевающимися перьями, и на всю картину льет свои лучи яркое августовское солнце, сверкая всеми красками и золотом на одеждах и киверах.

— Мюрат! король Неаполитанский! —
услышал я голоса.

Да, это был Мюрат со всей своей кавалерией. Потом оказалось, что Багратион был прав, и Наполеон со всей армией двинулся на Смоленск, через Оршу и Красный.

Мюрат что-то скомандовал и еще раз махнул шпагой.

«Атака!» — подумал я и оглянулся на своих солдат. Тотчас позади меня стоял Федька-Зво-нарь. Он сжимал ружье, лицо его было бледно, а глаза сверкали решимостью и пристально смотрели вперед.

По знаку Мюрата ряды французской конницы раздвинулись и из глубины колонн одна за другой вынеслись 20 пушек. Их быстро выкатывали, тотчас уводили коней и чуть не в 10 минут перед нами уже стояло 20 пушек, а затем тотчас грянул залп, сверкнул огонь, и на нас брызнула картечь.

— Пли! — закричал наш командир. Грянули наши две пушки.

Что они значили перед 20 пушками и что значил наш полк перед этими тысячами всадников?

Пушки опять грянули, еще, еще... У нас сразу упало человек сорок.

Командир подозвал к себе батальонных, поговорил с ними и скомандовал:

— Направо кругом — шагом марш!

В это самое время у неприятеля раздалась команда. Земля загудела, и вся масса всадников, словно ураган, помчалась на нас.

— Пушки брось! вперед! — закричал командир, и мы побежали.

Биться было безумием.

Нас просто растоптали бы конскими копытами.

Все же оставленные нами пушки еще дали по выстрелу.

Мы бегом перебежали через город и выбежали на Смоленскую дорогу. Впереди стоял наш генерал со всею дивизией.

Его пехота стояла одною густою колонною. С правой стороны стояли 10 пушек, а подле них Харьковские драгуны.

Неверовский увидел нас и поскакал нам навстречу.

— Смирно! стой! — раздалась его команда.

Сзади нас гудела земля от скачущей кавалерии неприятеля, но мы сразу остановились, как вкопанные.

Наш командир подскакал к генералу. Он выслушал его и, кивнув головой, снова командовал:

— Равняйся! беглым шагом марш!

Мы выравнялись и уже стройными рядами добежали до своих. Полки расступились, и

мы заняли середину колонны.

Было самое время. Кавалерия Мюрата высыпала из Красного и залила всю дорогу. На минуту она остановилась, выстроила ряды и ураганом бросилась вперед.

10 пушек рывкнули и осыпали всадников картечью. Они остановились.

Прошла минута, и новые массы помчались на нас с нашего правого фланга. Драгуны и казаки бросились им навстречу. На одно мгновение все смешалось.

Послышался гром от сшибки, а затем мы увидели, что наши драгуны и казаки мчатся во все стороны поодиночке, а французы забивают наши пушки.

Два полка не могли устоять против десяти.

Мы остались без кавалерии и без пушек. Нас было всего 3000 человек, а у Мюрата, как мы узнали потом, было 15 000 конницы.

Наш Неверовский закричал громким голосом:

— Ребята, не робеть! никогда конница вас не осилит, если вы будете слушаться команды и вести себя спокойно. Я с вами! — и с этими словами он сошел с коня, ударил его и во-

шел в наши ряды, как простой офицер, а конь его умчался в поле.

Вот была минута! другой такой я не запомню во всю свою жизнь.

Неприятельская кавалерия снова выстроилась, как на параде, послышалась команда, и с двух сторон на нас помчались их полки бешеным галопом. Мы свернулись в одну массу, спиной к спине в четырехугольник и с каждой стороны выставили ружья.

Передние ряды опустились на колена, задние стали во весь рост. И вот на нас летели бешеные массы, а мы стояли недвижно.

— Тревога! — раздалась команда, и загремели барабаны.

— Готовсь! — скомандовал я своим. Все взяли ружья на прицел. Мы уже видели со всем перед собою оцененные морды коней.

— Пли!

Т-р-р-р-р... — раздалось частою дробью, огонь опоясал наши ряды, дым на мгновение закутал нас, и я видел только вздыбившихся коней.

Через мгновение мы увидели, как во все стороны назад скачут всадники, а вокруг нас

лежат убитые кони и люди.

Раздался барабанный бой.

В наших рядах послышался смех.

— Молодцы, ребята, поздравляю! — закричал Неверовский, — видите, я говорил правду. Благодарю!

— Рады стараться! ура! — закричали мы.

— Теперь нам до того леска дойти только! — сказал нам генерал.

— Шагом марш! — и мы двинулись вперед.

Не прошли мы и четверти версты, как снова на нас помчалась кавалерия Мюрата.

— Стройся! смирно! Готовься! тревога! пли! — и снова, как на ученье, мы отбили атаку.

Двинулись опять, успели пройти версту и снова атака.

Всадники совсем приблизились к нам. Раздались залпы. Кавалерист, наскочивший совсем на меня, запрокинулся и, падая, кинул в меня саблю. Она с силой вонзилась мне в плечо. Я успел ее отбросить, но левая рука моя повисла бессильно, и в ту же минуту я стал терять сознание.

Очнулся я от криков.

Мы стояли опять сплоченной массой. Вокруг нас скакали на конях французы и кричали нам:

— Мете во зарм!

Это значило: «Сдавайтесь!»

А наши солдаты кричали:

— Возьмите нас! умрем, а не сдадимся!

Я выпрямился.

— Осторожно, ваше благородие! я завязал вам ручку, да слабо. Ишь, кровь идет!

Я оглянулся. Подле меня стоял мой Федька-Звонарь.

— Ты мне помог? — спросил я.

— Не бросить же вас, — просто ответил он.

В это время барабаны забили отбой. Ряды выстроились и двинулись вперед. Неприятель скакал за нами. Надо было торопиться. Я сделал несколько шагов и зашатался.

— Держите меня за шею! так!

Федька-Звонарь подхватил меня за спину и понес. Мы почти бежали. За спиной было слышно фыркание неприятельских коней.

— Брось меня, — сказал я Федьке.

— Не трепыхайтесь, — ответил он. —

Стройсь!

Он опустил меня подле себя па землю. Снова мы отбили атаку и снова двинулись вперед. Федька опять взвалил меня себе на спину.

Так он вынес меня из сражения.

Мы успели перейти речку в 12 верстах от Смоленска, и атаки кончились.

Мюрат был сконфужен.

15 000 его всадников не могли справиться с 3000 наших.

В Смоленске мне перевязали плечо, и я не оставлял строя, но не будь Федьки-Звонаря — я бы остался на поле битвы. Быть может, меня бы взяли в плен; быть может, растоптали бы кони.

Я позвал к себе Федьку.

— Ты спас мне жизнь, — сказал я. Он молчал.

Мне стало совестно. Я ничего, кроме худого, не сделал этому человеку. Мы были одни. Я обнял его.

— Прости меня, — сказал я и заплакал.

Я записываю это, потому что не стыжусь своих слез. Это были слезы чистого раская-

ния. С той поры я не ударил ни одного своего дворового.

— Барин, ваше благородие! — заговорил Федька и упал мне в ноги.

Мы оба плакали.

Я выпросил его у командира себе денщиком и с той поры не расставался с ним. Вместе мы сделали походы 12, 13 и 14-го года; после я освободил его от службы, и он остался со мною моим камердинером, моим другом.

Отступление нашего отряда с Неверовским во главе в военной истории должно почитаться геройским делом.

3000 билось против 15 000 и осталось непобежденным.

Наполеон Бонапарте, когда узнал про это дело, пришел в ярость. Если б Мюрат осилил нас, уничтожил или взял бы в плен, он бы без всякого препятствия занял Смоленск и вся история 12-го года была бы тогда иная, по — «С нами бог» и он не допустил этого.

Примечания

1

В действительности М. Б. Барклай-де-Толли был по происхождению шотландец.

[^^^]